

АКТЕР ПОЛУЧАЕТ РОЛЬ

МАСТЕРА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
СЦЕНЫ

ЧТО ПРОИСХОДИТ после того, как вы получите роль? Как вы работаете над ролью? Вопрос, конечно, банальный...

— Но очень трудный,—продолжил актер. — Ответить на него кратко и полно просто невозможно. Скажу лишь о главном, что меня волнует в каждой новой работе...

Разговор этот происходил в артистической уборной народного артиста республики Владислава Игнатьевича Стрельчика после спектакля «Идиот». Артист снимал вазелином остатки грима генерала Епанчина, а на ногах его еще позвякивали шпоры.

— Начну вот с чего... Я знал одного человека, слывшего суровым и даже жестоким. Однажды я увидел, как он, сбросив шинель, влезал на голое дерево, чтобы достать с верхней ветки крошечного неизвестно как попавшего туда котенка. Я удивился и подумал: как часто мы безоговорочно и несправедливо даем оценку человеку лишь по его манере держаться, говорить. Так и в роли. Получаешь ее, эту роль, и после первого прочтения только «в общих чертах» видишь героя. Лишь то, что сразу бросилось в глаза. И можно ошибиться. Вот играл я Феликса Дзержинского в «Вихрях враждебных» Николая Погодина. С мальчишеских лет был влюблен в него. Казалось, что знаю его. Но когда начал читать все, что есть о Дзержинском, нашел старых рабочих, встречавшихся с ним, я был ошеломлен: каким тонким, душевным, сердечным был Железный Феликс. Лирик он был, этот неслыханный чекист. И так в каждой роли стараешься не идти за тем, что лежит сверху. Мучаешься иногда страшно, прежде чем раскопаешь: а что же спрятано внутри?

Артист лаконично определил то, что происходит в творчестве настоящего, ищущего художника сцены. Сложный повседневный процесс раскопок в глубь психологии героя, тайников его сердца, сознания и составляет процесс работы над ролью. Это человековедение, это исследование внутреннего мира персонажа усложняется еще более, если перед актером образ, обросший грузом исполнительских традиций. Когда актер и режиссер — подлинники творцы, они почти всегда сумеют найти новую, еще не раскрытую до них грань образа, какой-то свежий поворот роли. Они сумеют разглядеть за суммой внешних черт и черточек характера его глубинную суть, его сердцевину. Именно это происходит во всех работах Стрельчика, сделанных с таким мастером, знатоком актерской индивидуальности и человеческой психологии, как Георгий Александрович Товстоногов. Но вернемся на двадцать с лишним лет назад...

СТРОЙНЫЙ юноша. Звучный голос. Легко вспыхивающий актерский темперамент. Таким был Владислав Стрельчик, когда он только что вернулся с фронта, закончил студию при Большом драматическом театре имени М. Горького и был оставлен в труппе театра. Все свое актерское творчество Стрельчик в ту пору представлял как бурное половодье ролей героико-романтического плана. Ролей, требующих ярких красок, больших порывов чувств, душевного благородства.

Образ молодого рабочего Грекова во «Врагах» Горького лежал не совсем в русле подобных устремлений актера. Это скорее маленькая характерная роль, чем героическая. Но показательно, что именно эта роль стала удачей артиста в спектакле, умно и тонко поставленном Н. Рашевской. Реальные черты молодого рабочего словно подсвечивались у артиста пафосом гражданской и лирической одухотворенности. Персонаж Стрельчика представлял как вполне конкретный характер молодого рабочего-интеллигента и в то же время как символический посланник нового, борющегося мира гуманизма и справедливости.

Когда Владислав Стрельчик позже получил роль Рюи-Блаза в одноименной романтической драме Гюго, казалось, что в ней он должен быть великолепен, что она создана для этого артиста. Разумеется, в этой работе Стрельчика были и находки и интересные моменты. Его герой — лакей во дворце — действительно пылко любил королеву. Можно было всецело поверить тому, что его Рюи-Блаз, рискуя жизнью, каждую ночь пробирался в королевский сад, чтобы положить на скамью горные голубые цветы, любимые цветы королевы. Но в целом, на наш взгляд, артист, в сущности, эксплуатировал природные, чисто внешние данные. К тому же был на созданном им образе налет внешней экзальтации, мелодраматизма.

В чем же дело? Может быть, это случайность? А может быть, в романтических ролях не подлинное призвание Владислава Стрельчика? Возможно, его актерская индивидуальность щедрее, разнообразнее и таит в себе еще не раскрытые данные?

Актер играл много, с большой творческой ненасытностью и самоотдачей окунаясь в поток самых разных ролей — поручика Ярового в «Любови Яровой», рабочего Федора в «Прологе», пастуха Леля в «Снегурочке», главного героя инсценированного романа «Да сгинь день» —

Энтони Грэхема, беспечного француза Жонвалля в пьесе «Шестой этаж», острохарактерную сатирическую роль Грига в «Безымянной звезде». Этого эlegantного гангстера артист сыграл с подлинным блеском, остроумно и темпераментно.

— Вы прекрасный характерный актер, а вовсе не герой-романтик, — сказал ему Г. Товстоногов, возглавивший театр одиннадцать лет тому назад. Вскоре режиссер поручил Стрельчику роль инженера Цыганова в горьковских «Варварах». Эта работа оказалась общепризнанной удачей актера. В ней наглядно и рельефно раскрылось стремление артиста не пойти лишь за внешними чертами образа, докопаться до самых глубин мысли и чувства героя.

МОЖНО БЫЛО показать Цыганова абсолютным душевным банкротом и пинком, приехавшим в захолустное Верхополе и от скуки приволокнувшимся за женой акцизного чиновника Монахова. Владислав Стрельчик сыграл его иначе. У его героя по-настоящему дрогнуло сердце, когда он встретил уездную красавицу. Его любовь, оказавшаяся нелепой и ненужной, звучала мучительной и по-своему светлой «лебединой песней». Нет, совсем не был до конца опустошенным его Цыганов, мертвым ко всем впечатлениям, как привычно трактовали его во многих постановках «Варваров». Он был моложе тех Цыгановых не только годами, но и душой. С нескрываемой иронией и любопытством глядел герой Стрельчика на монументального в своей спесивости и глупости городского голову Редозубова; его потешал и возмущал Гриша Редозубов, впихнутый отцом в овчину среди летнего дня, чтобы «выпарить жир». Цыганов — Стрельчик был смятен и ошеломлен при первом же появлении красивой и наивной в своей кричащей непосредственности Надежды Монаховой.

Г. Товстоногов с большим гражданским размахом и одновременно точным исследованием человеческих характеров поставил пьесу как острую, беспощадную и к варварам столичным, и к варварам провинциальным трагикомедию. Но для того чтобы трагизм и балаганная суть жизни и быта дикарей обоего толка были подлинными, на сцене должны действовать живые люди с их страстями и страданиями, как бы объективно бесплодны и ничемны они ни были... Именно таков Стрельчик — Цыганов, не марионеточный герой нелепой, марионеточной по своим масштабам жизни Верхополя.

Играя характерные роли, изображая подчас людей заурядных и будничных, артист окрашивает их лиризмом, чуть возвышенной мечтательностью. И, может быть, именно благодаря этому синтезу, благодаря появлению в его персонажах какого-то ошеломляющего мотива, высветляющей жизненной детали они предстают такими достоверными.

ПРО СВОЕГО Кулыгина в «Трех сестрах» А. П. Чехова Стрельчик говорит парадоксально: я называю эту роль «гимном любви».

Кулыгин, этот мелкий, скучный чиновник, сумевший за всю свою жизнь создать лишь историю-справочник местной гимназии, — и гимн любви? На первый взгляд это кажется невероятным. Но вот мы смотрим спектакль и видим, как актер ярко высвечивает духовную сущность героя сквозь внешний облик никчемного человека.

Сначала его Кулыгин выходит на сцену какой-то бравурно-уверенной походкой, любезно расшаркиваясь на военный манер, улыбаясь. Но вот он начинает догадываться, что Маша полюбила Вершинина. Кулыгин у Стрельчика никнет, съеживается, горбится. Он потирает в душевной растерянности руки, глядит на окружающих с жалкой улыбкой.

А когда он стоит, опершись об умывальник, словно о перила балкона, с обожанием смотрит на прикорнувшую на тахте жену и нежно, пылко, бережно говорит о своей любви к ней — перед нами раскры-

вается душа истинно любящего человека.

...Уходят военные из города. Звучит, замирая, походный марш. Наступает осень. Обнажаются посеребренные стволы мокрых берез около дома Прозоровых. И такая же осень в сердцах ее обитателей так и не уехавших в заветную Москву. И вместе с ними, вместе со своей Машей грустит Кулыгин, печась, что не сможет он сам, как бы ни боготворил ее, подарить ей хотя бы иллюзию содержательной жизни... Такую благородную, самоотверженную любовь увидели мы в чеховском герое Стрельчика. И в то же время его Кулыгин не стал крупнее, ярче, масштабнее как личность, чем это диктуется ему чеховским замыслом и режиссерским прочтением.

Так вступает артист в пору своей творческой зрелости. Откровенное использование своих богатых природных данных уступило место глубокому, умному исследованию внутренней жизни героя, работе мысли, которая соединяется с ярким, открытым чувством. Сложный процесс настойчивых поисков в каждой роли дает осязаемый результат: герои Стрельчика предстают перед зрителем живыми, запоминающимися.

С большим публицистическим темпераментом и тончайшим психологическим анализом играет В. Стрельчик главного героя в пьесе К. Симоннова «Четвертый». Он остался живым после побега из немецкого лагеря, и трое погибших его друзей приходят к нему, заставляя вспомнить шаг за шагом все ступени своего падения, своего предательства. Артист целиком захватывает зрителя в плен тревожного, мучающегося потока мыслей героя. И с какой гражданской страстью и убежденностью передает В. Стрельчик перелом в его сознании!

В. Стрельчику приходится исполнять разные, несхожие роли. Это обогащает его палитру, его мастерство.

В «Горе от ума» мы от души смеемся каскаду вздорных реприз, которые вылетают из уст подкулавленного и зарвавшегося Репетилова — Стрельчика. Играя Актера в «Карьере Артуро Уи», актера, обучающего бесноватого фюрера искусству жеста, слова и походки, В. Стрельчик остроумно пародирует лицедеев от театра, подменяющих его суть лишь парадной, застенчивой формой. Переодеваясь в генеральский мундир Епанчина, артист с увлечением рисует перед зрителем эту колоритнейшую фигуру, характерную для старого Петербурга, Петербурга Достоевского.

СЕГОДНЯ в афише Большого драматического театра название его последней работы — пьесы В. Розова «Традиционный сбор». Владислав Стрельчик играет Александра Машкова. Актер как бы раздвигает внешние черты этого образа, показывает внутреннюю, душевную, многогранную жизнь героя — увлеченного наукой, безвольного, близорукого человека — во всей ее сложности, противоречивости.

В рамках этой статьи мы остановились лишь на нескольких работах артиста, сыгравшего около 100 ролей на сцене и десятки ролей в кино. Не так давно Владислав Стрельчик получил новую роль — председателя суда, сенатора Ли Овермана в пьесе «Правду! Нищего, кроме правды!» Д. Аля, которую театр посвящает пятидесятилетию Советской власти. Снова работа, поиски, сомнения, находки, тревоги, творческие радости...

О. ПЕРСИДСКАЯ

На снимке: народный артист РСФСР В. СТРЕЛЬЧИК в роли Цыганова («Варвары»).